

Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирьях

Этот диалог мы с Вадимом Цымбурским начали еще в самом начале 1990-х годов. Он продолжается до сих пор, хотя уже несколько лет, как Вадима нет рядом. Импульсы творчества продолжают свое действие. Идеи не исчезают, а удивительным образом живут и возвращаются в новом облики. Диалог продолжается¹.

Начался он с того, что я пересказывал Вадиму свое письмо английскому приятелю Полю Чилтону, в котором пытался расшифровать предание о выборе вер Владимиром Святым. Еще только возникающая Русь оказалась островом между окружившими ее языками и четырьмя верами, – начал я. «Да, островом, – ответил Вадим, – я написал об этом». И полез в свой портфель. И достал большой глянцеваый журнал «Россия» – последний номер за 1991 год, только что вышедший. Там был первый набросок идеи «острова на материке» [10]. Я тут же залез в текст и, почти не глядя, предложил Вадиму сделать большую статью для «Полиса». Так «Остров Россия» Вадима Цымбурского стал и остается важнейшей темой нашего с ним диалога.

Другая важная тема, которая возникла с самого же начала, касалась характера геополитики и геополитического анализа. Мы сходились в своем интересе к этому увлекательному занятию, однако его границы и содержание каждый трактовал по-своему. С этой темы и начнем.

Что такое геополитика

Вадим Цымбурский настаивал, что «геополитика – это особая интеллектуальная парадигма, охватывающая сразу и определенный вид отношения к миру, и вместе с тем род занятий». Этот род занятий связан, по его мнению, с «пространственно-политическим проектированием» [7, с. 9–10]. Против такого расширительного понимания и сдвига смыслового ядра с познания на проектирование трудно было возразить. Тем более что Вадим отнюдь не отбрасывал научно-исследовательскую сторону, но подчинял ее прикладным

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проекты № 13-03-00310а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства», № 13-03-00399а «Между патримониальным и современным политическим порядком: Качество управления в странах постсоветского пространства», а также Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований».

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, руководитель аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН. E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

аспектам. Да и такая трактовка откликнулась на доминировавшее тогда восприятие геополитики. Это меня как раз и беспокоило. С 90-х годов прошлого столетия в России появилась своеобразная мода на геополитику, под которой понимаются прежде всего вольные фантазии, своего рода дилетантское философствование на темы политики, пространства и истории. Я бы назвал подобные упражнения *геополитическими мечтаниями*. Их смысл и польза малы, а то и вовсе ничтожны. Порой эти мечтания начинают навязывать другим, придавая им наукообразный вид, настаивая на их истинности. Возникает *геополитическая мистика*.

Цымбурский был, разумеется, чужд геомистике, а тем более дилетантизму. Да и к геостратегическим построениям относился по большей части скептически, хотя вокруг него всегда крутились геостратеги, а то и геополитические дилетанты. А если и не крутились в буквальном смысле (до середины или даже конца 1990-х, когда его стали приглашать на разные «геополитические» тусовки, Вадим мало с кем мог обсудить свои идеи), то охотно цитировали его, безбожно, как правило, перевирая и подстраивая под свои немудреные идеологизированные схемки.

В наших спорах о природе и особенностях геополитики мы, конечно, исходили из практики, рассматривая те сочинения, которые либо сами были идентифицированы как геополитические, либо были отнесены к геополитическому дискурсу преемниками, продолжателями и эпигонами. Иными словами, мы исходили из фактически сложившегося дискурса, точнее, дискурсов геополитики. Это было вполне естественно, так как мы оба в те времена занимались еще и анализом дискурсов. Однако отношение каждого из нас к фактическим дискурсам существенно различалось. Вадим считал, что сложившийся дискурс во всех своих качествах и особенностях и есть стопроцентная – настоящая и состоявшаяся – геополитика. Я подчеркивал, что дискурсы явились свидетельствами родовых мук только рождающейся научной дисциплины. И даже рисковал заявлять, что роды еще не завершены, что рождение геополитики еще впереди и что нам выступать в роли повитух. При таком подходе из дискурсов надлежало извлечь те особенности, которые могут характеризовать настоящую, но еще не состоявшуюся, а только будущую геополитику. Разумеется, одновременно следовало отбросить всю шелуху и вынести за скобки «строительные леса» новой, только возникающей науки. Отсюда мой критический пафос в отношении шелухи дилетантизма и геомистики, а также строительных лесов геостратегии.

При всем своем научном ригоризме я соглашался вместе с Вадимом считать весь корпус рассматриваемых нами дискурсов геополитикой в широком смысле. Однако настаивал на необходимости различать под маркой геополитики: во-первых, геополитические мечтания – «дилетантское философствование на темы политики, пространства и истории», способное стать для политиков «руководством к действию» и обрести свойства «геополитической мистики»; во-вторых, геостратегические штудии – «ресурсные, обычно силовые, а изредка функциональные модели государств-Левиафанов и отношений между ними»; и, наконец, лишь в-третьих, – «геополитику в строгом смысле», подлинную науку. Такая строгая наука создает знание «об организации политий в качественно определенном пространстве». Сам же научный проект состоит «в выяснении взаимодействия природных и, шире, географических факторов... с различными системами и способами политической организации». Основная проблематика научной геополитики состоит во «внутреннем устройстве (конфигурации сочленения географических возможностей и принципов политической организации) отдельных политий» [2а].

Вадим Цымбурский был склонен выносить большую часть научного изучения пространственных аспектов политики в сферу крайне расширенной поли-

тической географии. И вот здесь мы с ним принципиально расходились. Мне представлялось и представляется важным различать два подхода и две совершенно разные науки. Один подход заключается в изучении пространства Земли и того, как это пространство используется в политике и определяет ее. Это политическая география. Но можно изучать и собственно политику, и то, как политика приспособливает пространство и сама приспособливается к нему. Это уже будет геополитика. Такое разграничение предлагал, собственно, создатель самого термина «геополитика» и один из основателей соответствующей дисциплины Рудольф Челлен: «Как и политическая наука, геополитика держит в поле своего зрения целостность государства, способствуя тем самым пониманию его сущности. Политическая же география изучает земную поверхность в качестве места жительства человеческого общества в его отношении к прочим свойствам земли» [12, с. 94].

Мы оба принимали формулы Челлена, но их трактовки расходились. Вадим воспринимал основной труд Челлена как «учение о государстве» в буквальном смысле слова. Я же настаивал, что термин *statsvêtenskap* не только в нынешнем шведском, но в языке самого Челлена и его коллег начала прошлого века недвусмысленно означал «политическая наука». Более того, сама знаменитая характеристика – *livsform*, форма жизни – означала отнюдь не организм, как это неверно трактуется из учебника в учебник, а биоморфу, экологически специфическое варьирование типов организма со всем его симбиозом. Именно такой смысл вкладывал в термин его создатель, великий датский зоолог Эугениус Варминг, с чьим творчеством Челлен был, несомненно, знаком и чей термин вполне сознательно использовал.

Вадим Цымбурский соглашался, что неверно полагать, будто геополитика-наука только изучает, а геополитика-проектирование только планирует. Геополитическое проектирование тоже исследует особенности пространственного осуществления политики, например, распределения власти. Однако она исследует его в целях формирования политических проектов и программ. При этом мост между нашими подходами Вадим видел в анализе дискурсов, в изучении и испытании интеллектуальных проектов.

Хронополитика

Свои споры о геополитике мы дополняли рассуждениями о хронополитике. В конечном счете пространство само по себе – сильная абстракция. Фактически существует пространство-время. Мы использовали созданное буквально за несколько лет до этого понятие «хронополитика». Соответствующее английское слово *chronopolitics* было введено в оборот крупнейшим американским политологом Джорджем Модельски в конце 1980-х годов [13].

Мы трактовали хронополитику как дополнение геополитики. Теми же словами мы именовали и предметы соответствующих областей знания. Хронополитика рассматривалась как временной аспект, темпоральность политики по аналогии-контрасту с геополитикой как пространственным ее аспектом, спатальностью. В этом контексте В.Л. Цымбурский выдвинул тезис о переходе от геополитики к хронополитике как естественной и даже необходимой фазе самореализации России. Он заявил, что в нынешних условиях следует «сделать упор не на пространство, как часто было в российской историософии, а на время... не на «связывание хранины континента», не на «евразийский диалог культур», а на самоосуществление России во времени, на благоустройство и упорочение российского «Китежа» в сменяющихся годах и десятилетиях...» [8, с. 38].

Впоследствии В.Л. Цымбурский уточнил свою позицию: «Термин «хронополитика» возник по аналогии с «геополитикой», но отношения между их дено-

татами асимметричны: в отличие от геополитики хронополитика пока что существует как область академических исследований, а не как вид политического проектирования, так что сейчас она ближе по профилю не к геополитике, а к политической географии. Перефразируя определение “геополитики в строгом смысле”, данное Ильиным и относящееся, на мой взгляд, к политической географии, я назвал бы хронополитику “знанием (учением) о существовании политий в качественно определенном времени” [7, с. 26].

Дисциплинарно более строгая концепция хронополитики как эволюционной морфологии политики была разработана мною в докторской диссертации. Для этого я выделил три основных диапазона темпоральности и хронополитики в широком смысле: повседневность, историю и эволюцию, или хронополитику в узком смысле. Соответственно я выделил три пласта, или зона, эволюции и две переходные эпохи. Образовывалась эволюционная последовательность только закрытых форм, переходных приоткрывающихся, например, полисных форм, открытых форм империй и цивилизаций с вкраплениями приоткрывающихся и закрытых форм, приоткрывающихся форм феодализованных теократий (хризалид) с вкраплениями всех предыдущих форм и, наконец, форм второго порядка открытости, то есть способности регулировать параметры своей открытости/закрытости с вкраплением, разумеется, всех предыдущих форм [1, 2].

Мы с Вадимом много обсуждали хронополитические сюжеты, но они в основном остались за кадром. Времени и сил опубликовать различия наших подходов (это самое интересное и творческое) не было ни у одного из нас. Удалось лишь сделать ряд совместных публикаций [11, 3, 4] по концептному анализу понятия «открытое общество». В этих публикациях – немало ценных идей, которыми можно гордиться, в том числе и сама формула «открытость второго порядка», которую предложил Цымбурский, за что я ему очень благодарен.

Остров Россия, лимитрофы и Балто-Черноморье

Вернемся, однако, к теме Острова России. Одной из первых реакций на предложенный «Полису» или даже еще обсуждавшийся текст была идея проливов вокруг острова, полуостровов, отмелей, островков, то соединяющихся отливом, то отделяющихся приливом, как Сен-Мишель; наконец, архипелагов. Помню в «Вестнике МГУ. Серия “Социально-политические исследования”» мы даже провели круглый стол на эту тему, который частично был опубликован в журнале в 1994 году (№ 6–7).

Внешняя (газетно-журнальная, а потом и тусовочная) реакция на статью в «Полисе» как-то сразу ушла в сторону. Изоляционизм и противоборство с Западом стали ее приметными словами (catch words), уведя далеко в сторону от коренных идей В.Л. Цымбурского. Главный вывод полисовской статьи – для России наступают хорошие времена, нужно только суметь это понять – был не воспринят ни руководителями страны (Вадим втайне лелеял такую надежду), ни интеллигентской массовой, ни даже коллегами из академических институтов. В своем кругу мы попытались расширить проблематику. От островов перейти к архипелагам. Наметить формы и форматы отношений России и Европы. В ответ на это Вадим выдвинул свои концепции двойной цивилизации и циклов похищения Европы. Попытался выявить зоны и способы интерфейса. Так появилась концепция лимитрофов, отчасти подсказанная историком Станиславом Хатунцевым [6; обновленная версия: 5].

Каждое из этих начинаний значимо само по себе. Каждое имеет свое развитие и свою судьбу. Остановлюсь подробнее на одном – идее Балто-Черноморья как особого геополитического мира. В ходе наших бесед и споров выявились две альтернативные трактовки политической организации Балто-Черноморья,

Балто-Черноморской или Балтийско-Черноморской – в терминологии Цымбурского – системы (БЧС). Цымбурский акцентировал преимущественно военно-стратегические аспекты БЧС и всё то, что в методологической литературе того времени принято было связывать с волевой деятельностью участников политических процессов (агэнсу). Этому подходу я противопоставлял прямо противоположный – структурный, исходящий из устойчивых и до известной меры «непреодоляющих» географических характеристик пространства.

В чем различия агентного и структурного подходов? Структурные факторы связаны с выделением месторазвитий различного масштаба (глобальных, территориальных и локальных) и структур их опосредования, или интерфейсов: например, вскрытого С. Рокканом построения территориальной организации Западной Европы. БЧС является интерфейсом двух глобальных месторазвитий – Западной Европы и Северной Евразии. Данный интерфейс пронизывает пространства их стыка, а точнее взаимоналожения, а также различные территориальные и локальные месторазвития этой зоны, создавая логику пространственного взаимодействия.

В трактовке В.Л. Цымбурского БЧС является конфликтной системой. Подобные системы связаны с силовым раскладом и существуют лишь на поверхностном уровне международной организации¹. На другом, глубинном, уровне, как признает сам В.Л. Цымбурский, «мы имеем опорные геополитические роли, характерные для пространства данной системы, и напряжение между ними» [9, с. 251–252]. Данное различие вполне логично заставляет В.Л. Цымбурского поставить принципиальный вопрос: «Не следует ли считать, что глубинный и поверхностный уровни международной системы образуются разными видами сущностей и разными типами отношений между ними, при том что единицы и отношения одного уровня могут всегда преобразовываться в единицы и отношения другого?» [9, с. 251].

На этот вопрос следует дать утвердительный ответ. При этом нужно, однако, уточнить, что дело не просто в наличии двух уровней, а в разных системных и темпоральных масштабах. Дифференциал между масштабами создает хронополитическую перспективу. Возникает эволюционный потенциал, из которого вытекают прагматические возможности повседневных действий, в том числе связанных с силовым противоборством политических протагонистов, но далеко не исчерпывающийся их соперничеством.

Разумеется, наши с В.Л. Цымбурским подходы к пониманию Балто-Черноморья во многом совпадали и по мере наших обсуждений существенно сблизились. Так, в ходе обсуждения первых вариантов статьи В.Л. Цымбурского мне удалось убедить его, что БЧС не вполне умерла ко времени Венского конгресса, как он считал первоначально. Конец системы был им передвинут ко временам Версаля. Кроме того, Вадим внес изменения в концовку своей статьи и добавил постскрипtum о территориях-ориентирах в 40-х годах XX века. Со своей стороны, я принял концепцию территорий-ориентиров, придав ей, однако, не конфликтное, агентивное понимание каналов взаимодействия мощных держав, а структурную трактовку в качестве мест (loci) государственного строительства (state-building) и, шире, месторазвитий.

При анализе процессов, разворачивающихся на Балто-Понтийском перешейке, важно учитывать взаимодействующие цивилизации целиком, в совокупности и внутри единого контекста. Вот один лишь пример. Очень часто историческую роль Киевской Руси, а с ней и всего Балто-Черноморья видят лишь в защите от монгольского завоевания Европы. Москва оказывается до време-

¹ «Я трактую международную систему на поверхностном ее уровне как систему конфликтную» [9, с. 252].

ни лишь мелким осколком былой державы. Это, конечно, верно. Но не менее верно и другое. На осколках разбитой державы Рюриковичей в течение 1250–1350 годов формируется своего рода преемник миросистемы (World System). В XIII столетии кочевая империя Чингисхана «замкнула» цепочку цивилизаций от Центральной до Дальневосточной и превратила основной массив Старого Света в единое суперцивилизационное пространство. Тем самым начался процесс, который в конечном счете вылился в глобализацию [14]. Произошло свертывание различных плоскостных «лоскутов» цивилизаций в целостное сферическое метацивилизационное пространство. Конечно, решающим моментом в этом процессе стали Великие географические открытия и модернизационная экспансия Европы вдоль маккиндеровских Полумесяцев. Однако отмеченное тем же Хэлфордом Маккиндером сходство функций моряков Васко да Гамы и казаков Ермака подсказывает, что модернизирующее замыкание нашей планетной сферы шло не только через океаны, но и сквозь континенты – в первую очередь сквозь просторы Старого Света и Сердцевину Земли. Цивилизация коренной Евразии, то есть Россия, сыграла и продолжает играть ключевую роль, структурно сопоставимую с ролью Европы.

Подобный ход рассуждений неизбежно заставляет вспомнить концепцию двойной цивилизации Россия – Европа. С моей точки зрения, в этой концепции В.Л. Цымбурского проявляется контрапункт двух цивилизационных крыльев бабочки вокруг ее тельца в виде лимитрофной двойной периферии. Соответствующий контрапункт лег в основу концептуальной карты Стейна Роккана. Он же использован В.Л. Цымбурским в более узком смысле, в духе конфликтных систем. Рассуждая о внутренних программах европейской «куколки-хризалиды», наш коллега отмечает, что «важнейшая из таких программ в собственно геополитическом аспекте была связана с генетической биполярностью континентальной коренной Европы – биполярностью, восходящей к обособлению и конкуренции двух больших провинций раннесредневекового Франкского королевства: разделенных Рейном Нейстрии и Австразии¹». На их основе «вырастают две крупнейшие западно-христианские державы – королевство Франция и Священная Римская империя германской нации» [9, с. 107–108], контрапункт которых структурирует силовой расклад в Европе вплоть до наполеоновских войн.

Рассмотрение биполярности в терминах конфликтных систем, без всякого сомнения, весьма продуктивно. Об этом свидетельствует обширнейшая литература о биполярности мира и соперничестве сверхдержав в XX веке. Не менее, а, с нашей точки зрения, даже более продуктивно рассмотрение биполярных структур в расширенной перспективе, с учетом не только поверхностных, силовых, но и глубинных, собственно цивилизационных изменений.

В плане взаимодействия цивилизаций В.Л. Цымбурский рассматривает «два случая, когда цивилизации образуют бинарные системы, причем один из элементов системы играет роль “цивилизации-хозяина”, а другой, более молодой, выступает как “цивилизация-спутник”». Это Европа и Россия, а также Китай и Япония. В последнем случае – «это дальневосточная (так называемая конфуцианско-буддистская) цивилизационная система, внутри которой выделяются в последние полтора тысячелетия “цивилизация-хозяин” – Китай с его континентальными приделами (Кореей, Юго-Восточной Азией, приалтайскими областями) и “цивилизация-спутник” Япония» [9, с. 120].

Вместе с тем на примере России и Японии он обнаруживает «различие в типах геополитических отношений, способных устанавливаться внутри систе-

¹ Нейстрия (*Neustria*), или иногда Нейстразия (*Neustrasia*), – «новая» земля, нынешняя Северная Франция, заселенная пришедшими с Рейна франками. Австразия (*Austrasia*), именовавшаяся иногда также Австер (*Auster*), – «восточная» земля.

мы цивилизаций между цивилизацией-хозяином и цивилизацией-спутником» [9, с. 121]. В чем же это различие? В случае Китая и Японии силовой, геостратегический аспект сводится к минимуму, а в случае с Россией он, по мнению В.Л. Цымбурского, максимально усилен.

В целом соотношение между двумя двойными системами определено, вероятно, довольно точно. Однако очевидный в логике конфликтных систем контраст между двумя цивилизационными комплексами выглядит далеко не столь однозначным при учете также и глубинных геохронополитических аспектов. Попытаемся проследить вслед за В.Л. Цымбурским силовую бинарную логику конфликтной системы в пространстве Европы и России.

В полном соответствии со своей логикой силовых противоборств В.Л. Цымбурский объясняет «ускоренное послепетровское втягивание новообразованной Империи в военную политику мира за балтийско-черноморско-адриатической полосой» – структурной необходимостью для Европы «наращивания своего слабеего восточного центра силами России». В результате «цивилизация-спутник прямо включается в силовой баланс цивилизации-хозяина» [9, с. 121–122].

Инициатива в создании двойной конфликтной системы принадлежала Европе, которая в череде войн создала ореол имперских оболочек, переходящих в не-Европу. На эту роль геополитическая логика предназначила коренную Евразию, к концу XVII столетия представленную Россией. Это предопределялось мощью и структурным потенциалом европейской суперсистемы, которая вовлекла в сферу тяготения собственно Вестфальской системы также некие зародыши систем-спутников: Балто-Черноморской, Балканской и Средиземноморской. Отдельными своими звеньями эти малые системы как бы накладываются друг на друга. Швеция участвует в Вестфальской и Балто-Черноморской системах, Франция – в Вестфальской и Средиземноморской и т.п. Это ведет к постепенной интеграции отдельных конфликтных систем в международную систему общеевропейского масштаба путем сначала «склеивания» в терминах В.Л. Цымбурского, а потом и поглощения пограничных конфликтных систем.

В завершение статьи мне хотелось бы переиначить слова Вадима Цымбурского. Для Балто-Черноморья наступают хорошие времена, задача только в том, чтобы суметь это увидеть. Давайте попробуем сделать это. Это нужно нам, гражданам нынешней России. Мы не сможем обустроить свой дом, если не сможем понять, как наше домохозяйство соотносится с ближайшими к нам домохозяйствами, как нам найти или проложить пути к удаленным, но важным для нас соседям.

Литература

1. Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М.: МГИМО, 1995.
2. Ильин М.В. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. М.: Московский государственный институт международных отношений; Кафедра политологии, 1996.
- 2а. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–95.
3. Ильин М.В., Цымбурский В.Л. Общества «открытые» и «закрытые» (Миф и его рационализация) // Космополис. Альманах 1997. М.: МГИМО; Полис, 1997.
4. Ильин М.В., Цымбурский В.Л. Открытое общество: от метафоры к ее политической рационализации (исходный миф и его самокритика). М.: Московский общественный научный фонд, 1997.

5. Хатунцев С.В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света // Полис. 2011. № 2.
6. Хатунцев С.В. Новый взгляд на развитие цивилизаций и таксономию культурно-исторических общностей / Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. Ч. 1. Воронеж, 1994.
7. Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. 1999. № 4.
8. Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения // Вестник МГУ. Серия 12 Социально-политические исследования. 1994. № 4.
9. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2007. М.: РОССПЭН, 2007.
10. Цымбурский В.Л. Сердцевина Земли, или Остров на материке // Россия. 1991. № 51.
11. Цымбурский В.Л., Ильин М.В. Мифология «открытого общества» как явление дискурса // Цивилизационный подход к истории: проблемы и перспективы развития. (Тезисы межвузовской научно-практической конференции. Воронеж, март 1994). Воронеж: Воронежский педуниверситет, 1994.
12. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008.
13. Modelski G. The Study of Long Cycles // Modelski G. (ed.) Exploring Long Cycles. London, 1987.
14. Modelski G., Devezas T., Thompson W.R. (eds.) Globalization as Evolutionary Process: Modeling Global Change. New York: Routledge, 2007.

Аннотация. Михаил Ильин рассматривает основные моменты научной дискуссии между ним и Вадимом Цымбурским, развернувшимся с начала 90-х годов, когда они оба развивали геополитические и хронополитические исследования в новой России. Этот спор касался пяти основных тем: особенностей геополитики, геополитики России (Евразии), лимитрофных пространств вокруг России и, особенно, Балто-Черноморья. Очень ясные и отчетливые разногласия между обоими аналитиками не подрывали их принципиального согласия по основным вопросам и не препятствовали их соавторству. Более того, разногласия дополняли друг друга. И по сей день они способствуют дальнейшим исследованиям.

Ключевые слова: геополитика, хронополитика, Россия-Евразия, Остров Россия, Сердцевина Земли, лимитрофные пространства, Балто-Черноморье, Балто-Черноморская система.

Mikhail V. Ilyin, PhD, National Research University Higher School of Economics, Political Science postgraduate school, head; MGIMO-University, Comparative Politics department, Professor; Institute of Scientific Information for Social Sciences, Centre for Prospective Methodologies of Social-Humanitarian Research, Head.

A Dialogue about Islands and Straits, Intermarums and Intermunds.

Abstract. Mikhail Ilyin reviews main subjects of scholarly debate between himself and Vadim Tzimburki since early 90s when they both were promoting geopolitical and chronopolitical studies in new Russia. The debate focused on five major issues: character of geopolitics, links between geopolitics and chronopolitics, geopolitics of Russia (Eurasia), limitrophe areas around Russia and particularly Balto-Pontida. Very clear and coherent differences between both analysts would not undermine their essential agreement on basis issues and would not prevent their co-authorship. Furthermore, disagreements were complementary. Even now they continue to inspire further investigations.

Keywords: geopolitics, chronopolitics, Russia-Eurasia, Island of Russia, Heartland, limitrophe areas, Balto-Pontida, Balto-Pontic system.